

Герой Бородина

После длительного отступления почти с беспрестанными ожесточенными арьергардными боями русские войска остановились в 124 км западнее Москвы в районе села Бородина, где 26 августа 1812 г. разгорелось генеральное сражение первой Отечественной войны. В тот памятный для всей России день, около 8 часов, 8-й корпус Великой армии был направлен через Утицкий лес с целью занять позицию против левофлангового Семеновского укрепления русских и атаковать его. Успех этого предприятия грозил прорывом русского левого фланга со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для поддержки обороняющихся Семеновские «флешы» к ним была выдвинута из резерва гвардейская артиллерияⁱ. Офицер 1-й бригады 23-й пех. дивизии 8-го корпуса Конради вспоминал: «Мы перешли через овраг, тянувшийся восточнее Шевардино в лесу, и продвигались по нему вперед без больших потерь, чтобы как можно скорее выйти на одну высоту с дивизией Компана ... Едва мы оказались в редком кустарнике на опушке леса и вышли оттуда на простор, как были встречены ужасным огнем, и наступление мгновенно остановилось»ⁱⁱ.

Первым увидел неприятельскую пехоту в кустарнике на опушке Утицкого леса командир 1-й лейб-гв. конной батареи капитан Р. И. Захаров и указал на это начальнику гвардейской конной артиллерии полковнику П.А. Козену, находившемуся рядом. Козен приказал Захарову немедленно остановить обходящего неприятеля, а сам поскакал к стоявшим невдалеке кирасирам за поддержкой. Тем временем без прикрытия, заботясь только об отражении неприятеля, Захаров повел батарею во взводной колонне на рысях, переходящих в карьер, к месту обхода, и на ходу развернул все восемь орудий в линию с установленными интервалами. До выходящего на открытое место и строящегося для атаки неприятеля оставалось менее 200 м, когда батарея

открыла беглый огонь. Услышав артиллерийскую пальбу, кирасиры на рысях двинулись к огневой позиции батареи. Первыми же выстрелами голова ближайшей неприятельской колонны, ринувшейся в атаку, была почти полностью уничтожена. Расстреляв все картечные снаряды, батарея продолжала огонь гранатами и ядрами. Понеся огромные потери, неприятель остановился, а затем начал отходить в лес. В этот момент на него обрушились подоспевшие кирасиры.

Когда атакующие кирасиры пронеслись мимо орудий Захарова, батарея приняла вправо к южному люнету Семеновских укреплений и вступила в артиллерийскую дуэль с неприятельской 30-орудийной батареей, развернутой на правом берегу р. Каменки. По указанию Козена, артиллерийский взвод под командой штабс-капитана Ф.А. Бистрома развернулся на высоте левее южного люнета, что позволило ему обстреливать неприятельскую батарею под углом к фронту расположения ее орудий. Остальные три взвода 1-й батареи были поставлены с максимально возможным использованием рельефа местности и имевшейся растительности для прикрытия орудий с интервалами между ними до 50 шагов. Это позволило почти за два часа перестрелки не потерять ни одного орудия, но гранатные осколки поражали орудийную прислугу. Передки и зарядные ящики были поставлены в ложине у Семеновского ручья, позади батареи. Поочередно к огневой позиции батареи подвозили по два зарядных ящика. Когда боекомплект был израсходован, Козен приказал Захарову отвезти шесть орудий, при которых он находился, в кустарник за батареей, чтобы дать хоть немного отдохнуть артиллеристам. Воспользовавшись этим, Захаров поскакал на огневую позицию орудий Бистрома. Подъехав, командир роты успел только обратиться к своим артиллеристам с вопросом: «Ну что, ребята, как вы тут живете-можете?»ⁱⁱⁱ. В этот момент между ним и близ стоявшим фейерверкером разорвалась вражеская граната. Фейерверкер был убит, а Захаров смертельно ранен. Четверо артиллеристов взялись нести его с

батареи в лазарет, но капитан возразил: «Подите туда, друзья мои. Вы там нужны, а меня и двое как-нибудь доволокут»^{iv}. Захарова отнесли в кустарник. Было видно, что силы покидают его, но слабеющим голосом он повторил в бреду один и тот же волновавший его вопрос: «Не сбиты ли французы? Отступает ли неприятель? Наша ли победа?»^v Менее чем через четверть часа навсегда остановилось сердце героя. Ему было всего 28 лет.

Майор Московского ополчения 1812г. С. Н. Глинка так характеризовал подвиг Захарова, предотвратившего прорыв левого фланга русской Бородинской позиции: «Он действовал с искусством и мужеством, свойственными российскому офицеру»^{vi}. А полковник Козен позднее с грустью заметил: «Захаров за Бородино вполне заслужил Георгиевский крест, а мы не могли ему даже поставить деревянного»^{vii}.

Ростислав Иванович Захаров родился в 1784 г. в семье чиновника VII-го класса — надворного советника. В 1800 г. он закончил Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус с чином подпоручика и был направлен в конную роту лейб-гв. арт. батальона. В этой роте он прослужил все 12 лет, которые ему было суждено еще прожить. На усердного молодого подпоручика начальство сразу же обратило внимание. Через год Захарову был пожалован орден св. Иоанна Иерусалимского за образцовую выучку своего взвода на императорском смотре и учении. В составе своей роты Захаров принял участие в русско-австро-французской войне 1805 г. и за отличие в битве под Аустерлицем удостоился ордена св. Анны 3-й ст.^{viii}

С началом русско-прусско-французской войны 1806-1807 гг. Захарову, зарекомендовавшему себя ревностным и мужественным офицером, поручили формирование арт. полуроты Императорского батальона милиции, начальником которой он и был назначен. Со своими артиллеристами Захаров храбро сражался под Гейльсбергом и Фридландом, где был контужен ядром в правую руку. Ратный труд

Захарова не остался незамеченным. 24 февраля 1807 г. Инспектор всей артиллерии генерал-лейтенант граф А. А. Аракчеев подписал приказ № 1162 следующего содержания: «Его Императорское Величество между прочими объявляет свое удовольствие лейб-гвардии артиллерийского баталиона поручику Захарову за оказанное усердие и искусство при обучении баталиона Императорской милиции, о чем ему, господину поручику, сим объявляю, а для сведения даю знать по всей артиллерии»^{ix}. Вскоре после окончания военных действий, 20 мая 1808 г. последовал императорский рескрипт, в котором говорилось: «Господин поручик Захаров, в воздаяние отличной храбрости, оказанной вами в сражениях минувшей кампании против французских войск, жалую вас кавалером ордена Святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени, коего знак у сего к вам доставляя, повелеваю возложить на себя и носить в петлице с бантом по установлению; уверен будучи, что сие послужит вам поощрением к вящшему продолжению усердной службы вашей, пребываю ваш благосклонный Александр»^x.

Главнокомандующий первой областью Земского войска в 1806—1807 гг. генерал от инфантерии граф Н. А. Татищев обратился к Захарову с письмом, начинавшимся словами: «Его высокоблагородию г-ну Лейб-гвардии конно-артиллерийской роты штабс-капитану и кавалеру Захарову, бывшему в Императорском баталионе милиции поручиком». В письме давалась высокая оценка ратного труда Захарова и перечислялись награды, которых он удостоился: «... Препровождая при сем к вашему высокоблагородию золотую медаль для ношения в петлице на ленте ордена Св. Георгия, вместе с сим объявляю вам Высочайшее дозволение, пользоваться ношением милиционного мундира, соответственно должности, которую вы отправляли по земскому войску. В заключение сего долгом моим поставляю сим свидетельствовать о ревностной и усердной вашей службе во время существования земского ополчения; (прилежание ваше в содействии к образованию Императорского

батальона милиции и оказанная вами храбрость в сражении против французских войск награждены пожалованием вас в штабс-капитаны и кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом и золотых часов) несомненным же доказательством понесенных вами по милиции трудов на пользу Отечества должен служить прилагаемый при сем знак особенной Монаршей милости, который с истинным удовольствием к вашему высокоблагородию доставляю ...»^{xi}.

По окончании войны Ростислав Иванович вернулся в свою гвардейскую конно-арт. роту и в 1809 г. получил отпуск для женитьбы, который затянулся по причинам, изложенным в приводимом ходатайстве о его продлении от 30 ноября 1800г.: «Лейб-гвардии Конной артиллерийской роты штабс-капитан Захаров, уволенный для женитьбы на 4 месяца в чужие края, прожил в С.-Петербурге за получением пашпорта для отъезду 6 недель. 6-ть недель ехал до Швейцарии, где невеста его жила у статс-дамы графини Головкиной; там не нашлось для совершения брака Российского священника, почему должен был ехать в Париж. Из сего вышло, что он разтерял все время отпуска в переездах, а по сему и не может на срок явиться.

Его Императорское Высочество Цесаревич во уважение означенных причин просит об отсрочке штабс-капитану Захарову отпуску еще на 2 месяца»^{xii}.

Ходатайство было удовлетворено, и в начале 1810 г. Захаров с молодой женой вернулся в столицу.

2 февраля 1810 г. Захаров стал капитаном и принял кратковременное участие в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. при овладении крепостью Силистрия. При разделении роты лейб-гвардии конной артиллерии на две легкие батареи в мае 1810 г. капитан Захаров принял командование 1-й батареей, состоявшей из восьми орудий, 16 зарядных ящиков, пяти офицеров, 165 нижних чинов и 303 лошадей^{xiii}. Во главе этой батареи гвардии капитан Захаров встретил Отечественную

войну 1812 года, оставив в Санкт-Петербурге родителей, жену и двоих детей. Стремясь опровергнуть слухи о том, что он любым путем стремится получить чин полковника, Захаров 10 мая 1812 г. написал начальнику артиллерии 1-й Западной армии, своему ровеснику и товарищу генерал-майору графу А. И. Кутайсову, с которым они и погибли в один день, что желает «остаться при теперешнем месте до того времени, пока кампания кончится, и капитаном»^{xiv}. Таким он и остался.

Среди многочисленных разнообразных памятников Бородинского поля, в стороне от экскурсионных маршрутов, у опушки

Утицкого леса, что левее южной Семеновской флешки, можно увидеть скромную колонну серого гранита, увенчанную двуглавым российским гербовым орлом и опирающуюся на кубический постамент. Небольшая, вымощенная каменными плитами квадратная площадка вокруг колонны опоясана цепью, висящей на вкопанных в землю декоративных оружейных стволах. Это наводит на мысль, что перед вами памятник артиллеристам. Подойдите к нему и убедитесь, что ваша догадка правильна, прочитав на одной из граней постамента горящие золотом слова: «Позиция Лейб-Гвардии Конной Артиллерии № 1 батареи 26 августа 1812 г.» А на другой грани выбито: «Из состава девяти офицеров и 165 нижних чинов убито: убитыми: капитан Захаров, прапорщик Павлов, нижних чинов 12; ранеными: подпоручик Дивов, нижних чинов 46». На этом единственном памятнике Захарову есть и такие прекрасные не стареющие слова: «Доблесть родителей — наследие детей. Все тленно, все переходяще — только доблесть никогда не исчезнет, она бессмертна».

Примечания

ⁱ Ларионов А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год. Сб. ст. М., 1962. С. 126.

ⁱⁱ Попов А. И. Действия вестфальцев в Бородинском сражении // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы».

Бородино, 1995. С. 66.

ⁱⁱⁱ *РАНГ. М.* Публичные лекции, читанные офицерам гвардейской артиллерии//Артиллерийский журнал. 1861. № 10. С. 814.

^{iv} Смесь. 2 // Сын Отечества. Ч. 1. 1812. № 4. С. 141.

^v Захаров Ростислав Иванович // Русский биографический словарь. Пч., 1916. С. 298.

^{vi} См. прим. 4.

^{vii} *Ратч Г. М.* Указ. соч. С. 811.

^{viii} *Крылов В. М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 258.

^{ix} РГИА. Ф. 1409. Д. 244. Л. 1.

^x Там же. Л. 3.

^{xi} Там же. Л. 2.

^{xii} РГВИА. Ф. 26. Д. 428. Л. 276.

^{xiii} *Борисович А. Т.* Лейб-гвардии конная артиллерия в войнах 1805 и 1807 гг. и в Отечественной войне 1812 г. СПб., 1912. С. 27.

^{xiv} ОПИ ГИМ. Ф. 129. Ед. хр. 22. Л. 7 об.